

Тимур Лукьяно

КОММЕРЦИЯ

Петербургский роман

Тимур Леонидович Лукьянов

Коммерция

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6996945
Коммерция : Нордмедиздат; СПб; 2015*

Аннотация

В непростое время конца девяностых годов двадцатого века в Санкт-Петербурге многие горожане пытались заняться коммерцией. Удачливые коммерсанты быстро богатели, неудачливые столь же быстро беднели. Надвигался дефолт. На этом фоне нестабильности, бизнеса и криминала разворачивается обычная городская история про дружбу и предательство, про добро и зло, про любовь и ненависть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Друг детства	7
Глава 2. Контора	12
Глава 3. Журнал	14
Глава 4. Личная жизнь	15
Глава 5. Получка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тимур Лукьянов

Коммерция

Петербургский роман

*«Я не знаю, как жить, если ты уйдешь.
Я не знаю, как дальше верить в лучшие дни.
Что-то надо решать, между нами лишь ложь.
Мы, как будто вдвоем и как будто одни...»*

(Из песни Ани Лорак на слова Екатерины Гордон)

«Итоговой целью коммерческой деятельности отдельно взятого индивида будет получение конечного дохода вследствие осуществления бизнеса».

(Словарь банковских терминов)

Все события, описанные в романе, являются художественным вымыслом, все совпадения имен и названий случайны.

Пролог

Шел 1998 год. Огромная страна развалилась и продолжала разваливаться дальше. Жизнь миллионов обычных людей с каждым днем неумолимо ухудшалась под нескончаемые завывания армии телевизионных голов о пользе капитализма для России. Экономика пожинала плоды реформ имени Гайдара и его команды. Платежеспособность государственного финансового механизма падала. Промышленность почти перестала работать. Надвигался дефолт.

Многое из наследства великой державы уже разворовали. Огромный советский хозяйственный организм, беспощадно препарированный приватизаторами, умирал в конвульсиях, но что-то еще теплилось в его чреве. А потому оставалась еще надежда для тех страждущих, которые не успели пожить среди приватизаторов первой волны.

В то же время, официальные лица постоянно говорили о положительной динамике. И действительно, к концу 1997 года месячной зарплаты инженера стало хватать уже не только на пару десятков булочек буше, как это было еще три-четыре года назад. Тем не менее, вечерашние учителя и врачи продолжали наниматься в продавцы. А самые пассионарные личности уже покинули Россию в поисках заработков или вывели свои капиталы за границу, и этот процесс не кончался. Уверенности в завтрашнем дне не прибавлялось.

С другой стороны, на этом фоне всеобщей неопределенности какие-то непонятные люди странным образом быстро преуспевали, становясь богачами за полгода. На многих из этих везунчиков, разумеется, начиналась охота.

Со второй половины девяностых бандиты уже не просто сколачивали «бригады», а, «поднявшись», все чаще открывали вполне легальные фирмы. Силовики массово оставляли службу, чтобы зарабатывать в разы больше «крышеванием» под вывесками частных структур, вроде охранных предприятий и служб безопасности различных контор. Ночами на неосвещенных улицах и в проходных дворах нередко звучали выстрелы погонь и разборки. В обороте криминальных кругов бесконтрольно находилось оружие, вывезенное с Чеченской войны, закончившейся 31 августа 1996 года странным Хасавюртовским миром. После окончания этой кровопролитной войны по всем телеканалам рассуждали о стабилизации экономики, хотя, на самом деле, все шло к финансовому коллапсу.

Тем не менее, к началу 1998 года Петербург жил довольно весело. Повсюду в городе открывались не только огромные супермаркеты, но и увеселительные заведения, стрипбары, танцевальные клубы и казино, предлагающие услуги круглосуточно. Спрос порождал предложение. Легкие деньги везунчикам хотелось быстрее потратить на «красивую жизнь», так недавно пришедшую из голливудских фильмов в серую реальность холодного Петербурга. Счастливые обладатели пухлых кошельков веселились без оглядки до помутнения рассудка, пока не растрачивали все, взятое с собой, или же пока мирно не засыпали носом в тарелке, конечно, если раньше не становились добычей грабителей или всевозможных «кидал» и «разводил».

Коммерческая деятельность населения развивалась поступательно. Товары и услуги покупались, перепродавались и приносили прибыль удачливым коммерсантам. Ларечники и мешочники, запленившие пространства у станций метро в начале десятилетия, постепенно вытеснялись «цивилизованной торговлей», павильонами, имеющими снаружи более или менее опрятный вид, что, впрочем, не мешало их владельцам сбывать населению все тот же китайский ширпотреб, турецкие неликвиды и заокеанский «сэконд хэнд», приобретенные по бросовым ценам где-то на задворках «цивилизованного мира».

Вновь обретший свое историческое название Санкт-Петербург ремонтировался, отстраивался и озеленялся. Зеленые американские денежные знаки быстро сделались пред-

метом фетиша для еще недавно вполне советских граждан, боящихся под страхом уголовного наказания даже прикоснуться к подобным буржуйским бумажкам. И кому-то даже везло заполучить искомое. Но все вокруг было так зыбко, так нестабильно и переменчиво, что большинство только-только почувствовавших надежду разбогатеть, тут же теряло ее. Нередко вместе с жизнью или здоровьем. Свобода, которую все так ждали, оказалась белой и пушистой только с фасада, а сзади у нее обнаруживались острые грани, подчас не просто уродливые, а откровенно смертельные и обоюдоострые.

Тем же, кому посчастливилось получить вожаделенные материальные блага, деньги часто начинали затмевать разум. Блага циркулировали из рук в руки и проходили сквозь пальцы, не принося своим держателям сколько-нибудь ощутимой пользы. Материальное быстро сгорало в огне перемен, а ни морального, ни духовного роста не наблюдалось. Напротив, появление материальных благ в случайных руках зачастую приводило к регрессу. С крушением социализма никакой общественной идеи, ни национальной, ни личной, не осталось. Старая мораль рассыпалась, а новая еще не сформировалась. Многие люди, обретшие легкое богатство, начинали верить во вседозволенность, пускались во все тяжкие грехи и быстро опускались на самое дно.

На кухнях перестали обсуждать политику. Не то, чтобы обсуждать было совсем нечего, просто не было никакой внятной концепции. «Мозг» кухонной аналитики, – интеллигенция, – пребывал в растерянности. Вроде бы боролись с советским режимом, вроде бы победили и свалили злобного «колосса на глиняных ногах», но только вот что получили на смену ему? Расстрел парламента? Чеченскую войну? Откровенное разворовывание государственных запасов под видом реформ? Внятного ответа не было. Ведь нельзя же было считать небывалый размах воровства и коррупции, беспредел и хаос, пришедшие на смену «совку», большим благом? Потому на кухнях теперь, по большей части, просто готовили и ели.

Импортные товары и продукты быстро вытесняли отечественные аналоги с прилавков и из кухонь. Эпоха потребления наступала на руины советской империи. Кто-то продолжал верить в лучшее справедливое будущее свободной демократии в России, другие собирали чемоданы и уезжали за границу, подальше от беззакония, развала и хаоса, творящегося на Родине. Но «все познается в сравнении», как говорил классик. Потому, некоторые из уехавших в рядах «четвертой волны эмиграции», вкусив в далеких краях «прелести развитой демократии» из первых рук, через несколько лет прозревали, понимали, что там, в тех «далеких краях» совсем другая ментальность, что там они никогда не найдут замены Отечеству, какое бы оно не было.

Такие люди, умудрившись не прельститься фастфудом и не погрязнуть в долгах, а, напротив, что-то заработав на разительной разнице зарплат и цен «здесь» и «там», возвращались обратно из эмиграции, но возвращались уже другими, с более зрелыми и реалистичными взглядами на происходящее в Отчизне победное шествие дикого капитализма и «ценностей Западной цивилизации». Их «розовые очки» были разбиты вдребезги, но, конечно, эти вернувшиеся единичные «белые вороны», поддавшиеся, скорее, душевному порыву, нежели доводам разума, изменить процессы, идущие в родной стране, были не в силах. И потому, течение жизни банально и неумолимо затягивало «возвращенцев» в мутный поток происходящих общественно-экономических событий.

Глава 1. Друг детства

Окончив университет, мой друг Саша Гольдман несколько лет мыкался по разным конторам, пока не стал сотрудничать с одним издательством, выпускающим, кроме разноплановой рекламной продукции, претенциозную общественно-политическую газетенку, объясняющую, вернее, силящуюся объяснить, происходящие «в правовом поле» явления жизни.

Мало кто тогда понимал, что творится на обломках империи СССР, и к чему все идет. О перспективах страны говорить было трудно. Даже пожилой, солидный на вид, седовласый главный редактор в больших очках, диссидент «шестидесятник» Степан Васильевич Радзиевский, имел, в сущности, довольно смутные и далекие от действительности представления о происходящем «демократическом переустройстве общества». Но его репутация борца с советской системой не позволяла признавать новые реалии негативом.

Это же так замечательно, что теперь настала свобода! Как же можно этому не радоваться? Ну и что, что воруют в невиданных масштабах? Ну и что, что рушатся социальные гарантии? Это же все временно! Мы же на пути в капитализм к замечательным и справедливым рыночным отношениям! Вот в чем суть исторического момента! А неудобства можно немного потерпеть. Совок сколько лет терпели? Теперь гораздо лучше, например, исчез дефицит всего и вся! И, конечно, главред требовал от молодого автора хвалебных статей новой социальной системе, которые, впрочем, Саша Гольдман с удовольствием писал. Платил тот редактор неплохо и наличными в конверте. Поскольку финансировал издание один небезызвестный зарубежный правозащитный фонд, Степан Васильевич даже мог позволить себе регулярно угощать сотрудников горячими гамбургерами с колой или пиццей, благо, «Макдональдс» и «Пицца Хат» располагались неподалеку от редакции. Правда, иногда, перекусив дармовым гамбургером, Саша Гольдман расстраивался, что редактор излишне строг, что правит его статьи так, как считает нужным, наплевав на индивидуальность автора, даже вычеркивает или меняет местами целые абзацы. Но Саша терпел, не имея ни малейшего желания прогнать работодателя.

В последнее время главред носился с идеей оживить газету статьями о преуспевающих людях, создавших себе благополучие своими руками. Степан Васильевич был человеком слегка восторженным и немного наивным, иногда заигрывающим себя своими собственными идеями, как ребенок, строящий замок в песочнице.

«Мы живем во времена нового просвещения. Во времена, когда немытая Россия, наконец, начинает впитывать просветительские идеи Запада. И, впитывая их, стремится стать лучше, отмыться от грязи старых грехов и войти в мир европейских ценностей, пусть даже в качестве сырьевого придатка. Наша страна успешно меняется уже десять лет. И нам нужны перемены в имидже издания!» – примерно так ежедневно вещал Степан Васильевич на редакционных летучках. И добавлял что-нибудь, вроде:

«Только политикой никого уже не удивишь, читателя не привлечешь. Перестройка в прошлом. Мы уверенно идем в капитализм. Теперь люди хотят читать о примерах успешного старта. Им интересны ситуации из жизни, что бы было на кого равняться! Нужны рассказы о честных коммерсантах, поверивших в западную демократию и воплощающих в быту ее принципы равных возможностей», – декларировал главный редактор, сверкая очками и попыхивая сигареткой.

Перед Сашей Гольдманом ставилась задача создать рубрику «Стартап», где, по мысли главреда, должны были публиковаться статьи об успешных горожанах, добившихся всего самостоятельно, а не в силу нахождения в нужном месте, на нужной должности в нужное время, и не по причине бандитизма или крышевания, и не с помощью замечательных родственных связей или, попросту, вездесущего русского блата. Наверное, честные коммер-

санты действительно существовали в Петербурге, но где же таких героев взять? Саша Гольдман терялся в догадках.

Газета была еженедельной, а значит, времени до выхода очередного номера оставалось, как обычно, не слишком много. В метро, по дороге домой, Саша, глядя на людей, недоумевал, он не видел вокруг ни одного сколько-нибудь достойного персонажа для будущих статей. «Так ведь преуспевающие люди в метро не ездят», – пришла ему неожиданная мысль. А о ком же писать? О тех, кто ездит на дорогих авто? Но кто же подпустит его настолько близко, чтобы он мог собрать факты для статьи? Скорее, гнать все будут. С такими грустными мыслями поплелся домой в тот день Саша Гольдман.

Я случайно заметил его тщедушную фигурку в сером пальто, бредущую на ветру по набережной Васильевского острова, из своего автомобиля, неспешно проезжая мимо. Я сразу узнал Гольдмана. За прошедшие годы Саша не слишком изменился, хоть и повзрослел, конечно. Он был все таким же долговязым, с черными кучерявыми волосами и с крупным носом на бледном лице. Одет он был тоже по своему обыкновению: в пальто Саша ходил еще в школу.

Увидев Гольдмана, я принял решение на уровне подсознания. Чтобы возобновить наше знакомство, я остановил автомобиль возле поребрика метрах в пятидесяти впереди, вылез из машины, обошел ее, пошел навстречу и оказался прямо перед носом друга детства. Саша сразу заметил меня. На тротуаре в тот момент больше никого и не было. Сначала Гольдман несколько растерялся, даже опешил, но в следующий момент в его карих глазах блеснул огонек узнавания.

– Ба! Леня! Да неужто это ты? – Воскликнул Санек.

Наверное, в костюме и рубашке с галстуком меня, действительно, было трудно сразу узнать. Тем более, что с последней встречи прошли годы. Ведь Саша привык видеть меня таким же, как и он сам, совковым подростком восьмидесятых. Мы росли вместе, дружили с детства, ходили в один класс. Мы виделись с ним в последний раз больше двенадцати лет назад на выпускном в школе.

За это время я прожил бурную жизнь, много чего видел, много где жил, учился и работал, путешествовал в далеких краях. Меня не было в Питере очень долго. Я строил свою жизнь вдали от родного города, последние годы провел в далеком Нью-Йорке. Но случилось неожиданное. Умерла моя старенькая любимая бабушка и по завещанию оставила мне двушку на Васильевском и небольшую дачу.

Бабушка умерла последней из моих предков. Родители погибли в автомобильной аварии за три года до смерти бабушки, когда на «Жигуленок» моего отца наскочил со встречной полосы грузовик с пьяным водителем. Казалось, что жизнь сама подталкивает меня вернуться в город, где я родился. Я приехал летом, восемь месяцев назад. Ритм родного города сразу же закружил меня в потоке деловой активности, и я даже не пытался разыскивать друзей детства. А тут такая встреча.

Я встретил Сашу Гольдмана часа в четыре. Весенний день был прохладным и пасмурным, стояла обычная для последней декады марта питерская погода, датчик наружной температуры в моей машине показывал три градуса тепла. Вдоль набережной дул пронизывающий северный ветер с моросью. Мы обнялись, я предложил Саше сесть в машину. Друг детства с удивлением смотрел на меня, на мой длинный черный «Мерседес» с кожаными сидениями, думал, наверное, что я сильно преуспел в жизни. Но что он знал обо мне тогда?

Мы ехали мимо серых домов, мимо припаркованных машин, мимо чахлах деревьев, мимо пешеходов, бредущих куда-то по своим делам сквозь дождь и ветер. Машина ехала мягко. Внутри играла музыка, и было тепло. Я хорошо помню выражение лица Саши, сочетание восторга и зависти в его глазах.

– Давно ты здесь? Насовсем приехал? – спросил он.

– Чуть больше полугода, как приехал. Насовсем, скорее всего, – ответил я другу, ведя машину по набережной и наблюдая боковым зрением, как он ерзает на сидении рядом то ли от любопытства, то ли от радости.

– Ну и как там, за бугром? Правда, что там зарплаты в десять раз выше? – поинтересовался Гольдман.

– Зарплаты выше. Правда. Но и расходы выше. Например, за съем жилья нужно много платить.

Жизнь как везде, наверное, не слишком легкая. Надо много работать, чтобы выжить, – сказал я.

– А здесь чего делаешь, где работаешь? – продолжил Саша задавать вопросы.

– Да вот, пробую заняться коммерцией, – проговорил я небрежно. И скромно добавил:

– Компьютерную фирму открыл.

– Круто, – протянул Гольдман и задал новый вопрос:

– Так чего же сразу не позвонил, когда приехал?

Я посмотрел на него и промямлил экспромтом:

– Понимаешь, просто за это время не обустроился я еще окончательно, ремонт делаю в хате, а телефоны все старые вместе с книжкой записной никак найти не могу, потому что многие вещи в коробки картонные упакованы и заклеены. Разберу, когда закончится ремонт. Вот и не позвонил. Но, как говорить, «на ловца и зверь бежит», увидел же тебя из машины.

– А я шел с работы. Думал в магазин зайти. А тут ты на крутой тачке подваливаешь! Я аж обалдел! – улыбнулся Сашка.

– В магазин, так в магазин, – кивнул я и припарковался возле продуктовой «стекляшки».

Мы вышли из авто под мелкий дождик. Полупьяные мужички и девки затрапезного вида с банками пива в руках, стоящие возле входа в магазин, косились на мой костюм, на воротник белой рубашки, на галстук, на кожаную барсетку в моей левой руке, на золотой перстень на правой и, конечно, на мою большую черную машину, которую я имел наглость припарковать на газоне. Пусть газон и был давно почти весь вытоптанный, но повод для общественного недовольства мною, нерадивым, оставался. Я почти физически ощущал, как покалывали мой затылок колючие завистливо-возмущенные взгляды местных обывателей.

В магазине Саня купил каких-то дешевых овощей, хлебный батон, пару бутылок пива, и мы пошли обратно к моей машине. Удивительно, но возле нее стоял милиционер. Откуда только он взялся так быстро? Версий у меня не возникало, пока он не представился местным участковым и не выписал протокол и штраф за парковку в неположенном месте. Без слов я сунул ему в ладонь купюру достоинством вдвое выше номинала штрафа. Протокол тут же был скомкан и отдан мне, очевидно, на память, а служитель правопорядка ретировался в сторону своего ржавого автохлама с синей полоской вдоль корпуса и мигалкой на крыше. За сценой увлеченно наблюдали все те же любители пива, стоящие у входа в магазин.

– Хочешь, поедem ко мне? – Неожиданно предложил Саша.

– Поехали! – Согласился я.

Меня даже вдруг заинтересовала мысль навестить его. Ведь я столько лет не был у Гольдманов в квартире! Тем не менее, я хорошо помнил его добродушную толстую маму тетю Соню и старшую сестру Риту.

С Сашей мы дружили с пятого класса. В детской дружбе есть нечто инстинктивное, когда не просто схожие взгляды и общие интересы влекут людей друг к другу. Детской дружбе, в отличие от взрослой, присуща искренность. В детстве люди еще не умеют прятать свою сущность за тщательно слепленными масками доброжелательности или напускной заинтересованности в собеседнике. В детстве еще не ищут выгоду в отношениях. В детстве просто дружат, и дружат только с тем, с кем приятно дружить, с тем, с кем хочется играть

и разговаривать, делиться впечатлениями от познания мира, даже просто вместе молчать. И, глядя на Сашу Гольдмана, сейчас мне казалось, что я возвратился в детство.

Мы пили чай с сушками на его маленькой кухне. Саша предлагал пива, но я отказался. Я никогда не пью за рулем. Я не был здесь десять лет и теперь осматривался. От бывшего скромного уюта хозяйственной мамы Гольдмана не осталось и следа. Плита, холодильник и кухонные шкафы были серыми от грязи. В убогой раковине громоздилась посуда, которую явно давно не мыли. Я смотрел на унылое жилье друга детства, и мне становилось грустно.

В беседе с Гольдманом выяснилось, что мама его умерла от болезни сердца, а сестра вышла замуж за какого-то пьяницу и выхаживает парализованную мамашу последнего где-то на Ржевке. Короче говоря, Саша жил теперь в двушке совсем один. К слову, моя собственная двухкомнатная квартира, доставшаяся от бабушки и расположенная всего в нескольких улицах от жилища Гольдмана, была не намного больше по площади. Но насколько же разнился интерьер!

Я допил не слишком вкусный чай, встал и вместе с хозяином проследовал из кухни в гостиную. Мой взгляд всюду натывался на запущенность и неухоженность. Стены неприятно поражали выцветшими советскими обоями в разводах и пятнах. Мебель вся была в каких-то царапинах. Грязный почерневший паркет со стертым напроцуж лаком местами вспучился. Везде лежала пыль, и валялись вещи. Книги были рассыпаны в беспорядке по подоконникам, столам, стульям, на полу и даже на огромном цветном телевизоре «Рубин», ламповом монстре доперестроечной эпохи. Одежда сгрудилась на продавленном диване бесформенной кучей. И над всем этим безобразием висела затянутая паутиной старая люстра середины шестидесятых.

Да, определенно, Саша теперь или аскет, которому наплевать на собственное жилье, или банальный неряха. Конечно же, я понимал, что Саша Гольдман отъявленный ботаник, и для него мои занятия коммерцией являются чем-то из области высших сфер. Он вообще не мыслил существования вне более или менее предсказуемого, безопасного и определенно регулярного получения зарплаты от работодателя. Сам он организовать бизнес, или даже думать об его организации, был, скорее всего, не способен. Для этого он был слишком наивен. Во всяком случае, так мне казалось на тот момент.

Но Гольдман и не пытался осуждать меня. Скорее, он удивлялся, причем, искренне. С детства зная меня, Саша просто пытался понять, какими путями я дошел до своего нынешнего положения, и что заставило меня идти этим путем. Ему было любопытно, тем более, что я почти ничего о последнем десятилетии своей жизни ему не рассказывал. Я же руководствовался соображениями, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

Моя напускная уверенность в себе, раскрепощенность и даже некая бравада в сочетании с явной платежеспособностью определенно производили на него впечатление. Он смотрел на меня как на некое странное явление, выросшее вместе с ним из его же собственного детства. И именно для объяснения этого явления Саша всю силился понять мотивы моих поступков. Он смотрел на меня подобно ребенку, вдруг узревшему посреди улицы бредущего по своим делам розового слона и пытающегося понять, откуда же этот розовый слон взялся. Так и тараторил на меня Саша Гольдман, пока я рассматривал его библиотеку, так неуважительно разбросанную по разным углам комнаты.

– Я смотрю, что ты уже всю свою домашнюю библиотеку прочитал? – спросил я.

– Нет, конечно, – ответил он, не раздумывая.

– Так чего же ты все книжки побросал? – задал я не слишком деликатный вопрос хозяину жилища, подобрав с пола увесистый том Большой Советской Энциклопедии и стирая с него пыль ладонью.

Саша смутился и пробормотал:

– Понимаешь, я для своих статей вечно ищу какую-то информацию в книгах. То статьи из энциклопедий штудирую, то цитаты классиков привожу. У нас главный редактор очень требовательный к материалу, любит цитаты и подробности всякие. Я каждый день до ночи пишу. Крутиться нужно, зарабатывать, вот и не успеваю ничего на место класть.

– И на что копишь столь тяжким трудом, если не секрет? – спросил я Сашку по-дружески откровенно.

Он опять смутился, опустил глаза и пробормотал:

– Я алименты плачу. Брак у меня был неудачный. Пять лет прожили. Потом бывшая вместе с двумя маленькими дочками свалила к ларечнику. Суд до сих пор идет за раздел моей хаты.

– Так платят тебе сколько в твоей редакции? – поинтересовался я.

Он назвал смешную для меня сумму. Получалось, что я могу позволить себе потратить за один день больше, чем Саша Гольдман зарабатывает за целый месяц непрерывных интеллектуальных трудов. Меня переполнило странное двойственное чувство досады за друга и, в то же время, стыда за свое благополучие. Я опустил глаза.

– Не густо, правда, но получше, чем в других подобных газетенках, – добавил Саша, увидев мое замешательство и как бы оправдываясь.

Разобравшись в положении Гольдмана, я лихорадочно думал о том, что же хорошего можно сделать для друга детства. Мне почему-то искренне захотелось облегчить жизнь Саши, порадовать его как-нибудь, увлечь чем-нибудь интересным. И тут у меня внезапно мелькнула одна мыслишка.

– А знаешь что, заходи на неделе ко мне в контору, потолкуем, – сказал я Саше, протянул ему визитку со своими координатами и, что называется, откланялся.

Глава 2. Контора

Был самый конец марта. Воздух пах весной и постепенно согревался, хотя и оставался прохладным по-питерски, особенно вечерами, но сами вечера стали несколько теплее и светлее. Пасмурные дни все больше чередовались с ясными. Солнышко приятно пригревало, и снег интенсивно таял там, где теплые лучи касались его уже совсем несвежей посеревшей поверхности.

Моя контора размещалась в старинном доме в Дмитровском переулке. В офисе имелись два выхода – на улицу и во двор-колодец, через который, посредством проходных дворов, соединенных арками, можно было попасть в Поварской переулочек или на Колокольную улицу.

Во дворе стоял и мой служебный транспорт. Я перемещался в «Мерседесе» больше для собственного удовольствия. По работе, на переговоры и деловые встречи, ездил с шoferом на служебном «Вольво». Моя новоявленная фирма на тот момент занималась не только продажами оргтехники, но также установкой и обслуживанием компьютеров и компьютерных сетей в разных районах мегаполиса. Потому в автопарке имелись три микроавтобуса для перемещения монтажников и оборудования. Интернет тогда как раз начинал развиваться бурными темпами, да и потребность в компьютерах и оргтехнике росла как на дрожжах. Так что, несмотря на конкуренцию, бизнес обещал быть прибыльным.

Интерьер конторы, выдержанный в строгом стиле европейского офисного дизайна, радовал глаз спокойными светлыми тонами гладких поверхностей. Справа и слева в длинном коридоре, ведущем к моему кабинету из холла, располагались помещения отделов. Их было четыре: снабжения, технический, коммерческий, бухгалтерия, а также имелся склад, помещение охраны и мой кабинет с приемной, в которой сидела моя секретарша Аня, шатенка модельной внешности.

Должен был прийти Саша Гольдман. Накануне мы созвонились. Я ждал его, прохаживаясь по кабинету. Наконец, он появился. Я ради прикола наблюдал за ним через камеры видеонаблюдения, сигналы от которых были выведены не только на охрану, но поступали и в мой рабочий компьютер. Я видел, как Гольдман неуверенно вошел и пару минут переминался с ноги на ногу в холле перед турникетом, не решаясь сказать охраннику о цели своего визита. Не дожидаясь доклада, я нажал кнопку на селекторе и приказал охраннику проводить посетителя ко мне.

– Ну ты и устроился! – воскликнул Саша, едва переступив порог моего кабинета. Я встал из-за стола, поздоровался с Гольдманом за руку, усадил в кресло перед собой. Отметил, что одет он все в то же потертое серое пальто, в котором я его встретил.

– Что же ты пальто-то не снимешь? Спесишь, что ли? – поинтересовался я, рассматривая унылое одеяние друга.

– Не хочу. Замерз я, пока от метро шел. Ветер промозглый сегодня, – пробубнил Саша, кутаясь в свое любимое пальто еще сильнее.

Я предложил:

– Надо согреться изнутри. Ты чай или кофе? А, может быть, покрепче чего-нибудь будешь?

– Живу хреново, – пробормотал Гольдман совсем не в тему, глядя в пол.

Состояние друга начинало меня беспокоить.

– Что случилось? – спросил я.

Саша молчал. Я нажал кнопку на селекторе и попросил секретаршу принести нам кофе. Когда Аня зашла в кабинет, я познакомил их. Я заметил, что Саша посмотрел на мою секретаршу с интересом, сказал «большое спасибо», принимая из ее рук белую чашечку с кофе,

отпил солидный глоток и несколько оживился. Аня поставила вторую чашку на мой стол и вышла из кабинета.

Коллектив моей конторы еще находился в процессе становления. Три месяца назад я арендовал это помещение, оформил Общество с ограниченной ответственностью с названием «Фотон», набрал персонал из десяти человек и начал коммерческую деятельность, сначала на бумаге. Но через месяц моя фирма уже начала реально работать, получив первый заказ на оборудование офисов большого городского предприятия компьютерами. Находясь в дальних краях в эмиграции, и работая на чужих иноязычных людей, я мечтал о своем деле. И, конечно, меня радовало, что все сложилось удачно для меня, что я смог вернуться в Питер и открыть контору.

Аня была одной из малознакомых пока еще девушек, нанятых мной на работу исключительно из деловых соображений. Она умела быстро набирать тексты, была пунктуальна, аккуратна в работе с бумагами и вежлива с посетителями. Моим обязательным требованием к сотрудникам было наличие высшего образования. Мне казалось, что если человек сумел успешно преодолеть все трудности обучающей системы, то и в работе сможет преодолеть любые внештатные ситуации.

Аня окончила иняз. Она свободно владела английским и испанским, знала немецкий и факультативно изучала финский. Я посчитал подобные навыки весьма полезными, поскольку комплектующие для оргтехники в те годы всегда поставлялись с формулярами на иностранных языках. К тому же, знание языков являлось исключительно важным в случае работы с иностранными партнерами, ежели таковые появятся. Я неплохо знал английский, но не владел ни немецким, ни испанским, ни, тем более, финским.

Мы выпили кофе. Саша согрелся и вдруг сказал:

– Знаешь, у меня половину хаты бывшая жена отсудила. Вчера суд окончательное решение вынес. Придется мою двушку разменять на две комнаты в коммуналках. Одну для бывшей, другую мне. Теперь даже не знаю, как жить дальше буду.

Мне стало его совсем жалко, и я предложил то, о чем уже думал, когда побывал у него дома:

– А давай, переходи ко мне в контору. Попробуем выпускать журнал. Платить буду вдвое больше, чем твой главный редактор тебе сейчас платит.

Саша заинтересовался. Спросил:

– А о чем журнал будет?

– Нужен журнал о современных технологиях. О их месте в мире на рубеже веков, о их влиянии на изменение образа жизни людей, на искусство, на литературу, на кинематограф и так далее. Ну и рекламу, конечно, соответствующую станем продвигать с помощью издания.

– Отличная идея! – Воскликнул Гольдман, и глаза его зажглись искренним интересом. В тот вечер мы засиделись в моей конторе допоздна. Обсуждали концепцию журнала.

Глава 3. Журнал

Под редакцию журнала я отвел Саше большой пустой кабинет, дверь из которого выходила в холл напротив помещения охраны. За пару дней мы оборудовали ему рабочее место с хорошим компьютером, со сканером и с лазерным принтером. Теперь Гольдман сам назывался главным редактором, что, естественно, тешило его самолюбие. Когда сотрудники конторы называли его по имени и отчеству, Саню просто распирало от гордости, своей важности и значительности.

По моей задумке, целью деятельности Саши в моей конторе было обеспечение выпуска ежемесячного корпоративного журнала приемлемого качества на тему, обусловленную профилем деятельности фирмы. Я вменил Гольдману в должностные обязанности руководство редакционно-издательским процессом от сырого текста до готового изделия. Я наделил Сашу правом принятия всех оперативных решений и возможностью привлечения любых сторонних авторов и специалистов в рамках того бюджета, который я посчитал возможным выделить на издание.

Задача была сформулирована. Пути ее решения определились. Саша начал работать над журналом, и это занятие поглотило его целиком. Он быстро уволился из газетенки от своего занудного главреда Степана Васильевича, но обещал продолжать внештатно сотрудничать с его концептуальным проектом. Какого же было мое удивление, когда через некоторое время я прочел в этой газетенке статью о себе за подписью Гольдмана, где деятельность моей конторы приводилась в качестве примера успешного стартапа.

Я, как учредитель и генеральный директор, конечно, тоже принимал в создании корпоративного журнала деятельное участие. Даже писал небольшие статейки под разными псевдонимами. Привлекли мы к работе и Аню. Ведь для наполнения журнала требовалось переводить новости иностранной прессы. Тогда интернет еще не предоставлял такого огромного спектра возможностей, как сегодня. Да и многое на тот момент еще в интернет не выкладывалось, а программы-переводчики работали настолько коряво, что переведенные ими тексты делались почти нечитаемыми. Потому приходилось по старинке искать свежие иностранные издания и переводить интересные публикации с помощью нашей переводчицы Ани. Естественно, я доплачивал ей за дополнительное напряжение сил.

Глава 4. Личная жизнь

Я никому не рассказывал о своем личном, хотя в тот период на душе у меня скреблись кошки. Отношения с Леной, моей нежно любимой половиной, в последние месяцы сделались очень напряженными. Брак мой трещал по швам, жена изменяла мне с «богатеньким Буратино», имеющим отношение к нефтегазовой отрасли и административным ресурсам. Конечно, обычным горожанам, вроде Гольдмана, казалось, что я и сам весьма благополучен, богат и успешен. Но прав мудрый человек, который сказал, что «все познается в сравнении».

Сразу же после возвращения в Питер из-за границы, где мы с ней прожили семь лет, Лена возобновила отношения с многочисленными подругами, многие из которых за прошедшие годы обрели негативный личный опыт. Отношение подруг жены к ценностям семейной жизни стало весьма нивелированным. Они совсем уже не считали измену мужу чем-то предосудительным. Скорее, развлечением, спасающим от однообразия долгого брака. Трепетно относясь к мнению подруг и впитывая его, словно губка, моя жена с легкостью ступила на предложенный ими путь.

Негативную роль для наших семейных отношений сыграло, наверное, и то, что, после возвращения в родной город я интенсивно занялся подготовкой открытия своего коммерческого проекта и ушел в него, что называется, с головой. От тех же самых подруг жены, строящих мне глазки и желающих забраться ко мне в постель ради развлечения, я узнал об измене своей половины, как, впрочем, и Лена узнала о моей осведомленности. Но мы оба продолжали делать вид, что ничего не знаем. Хотя отношения были уже безвозвратно испорчены, и по молчаливому согласию спать мы с женой начали в разных комнатах.

На самом деле, на тот момент, о котором идет речь, я располагал довольно ограниченными возможностями. Конечно, я не бедствовал, у меня имелся небольшой бизнес, некоторое количество свободных денег, накопленных за годы эмиграции, двухкомнатная квартира на Васильевском острове и дача возле Пушкина, доставшиеся от покойных предков. Но я отнюдь не являлся ни магнатом, ни олигархом. Микроавтобусы для функционирования фирмы были взяты в лизинг, «Вольво» для развозов принадлежал водителю, которому я просто платил зарплату, а мой красивый «Мерседес» представлял собой подержанную семилетнюю машину в хорошем состоянии, пригнанную из Германии за довольно скромную цену.

И, конечно, я не мог позволить себе носить часы за полусотню тысяч долларов. А тот мужчина, с кем изменяла мне жена, мог и с легкостью. Он много чего мог, чего не мог я. Ведь деньги из нефтегазовой трубы «вытекали» на выходе цикла реализации в огромных количествах. А моя благоверная очень любила все те иллюзорные блага, которые можно за деньги купить. Долгие годы вынужденной экономии ради накопления первоначального капитала она возжелала их. И, едва увидев возможность к ним приобщиться, сразу же бросилась в этот омут мнимых благ с головой. Ждать же, когда муж дорастет до искомого финансового уровня, Лена не собиралась. Да и разве сможет этот неудачник, называемый ее мужем (то есть, я), который так надоел ей за годы брака, чего-то добиться? Она не желала ничего больше ждать. Ведь молодость уходила!

Следуя советам подруг, моя жена окунулась в бурный роман на стороне. Я же, продолжая любить ее, буквально не находил себе места, не зная, что делать со своей семейной жизнью дальше. После череды скандалов и взаимных упреков, я осознал, что все разговоры и выяснения отношений с женой-изменщицей бесполезны, а ничего кардинально решить я пока не могу. Потому, чтобы как-то отвлечься от неудач на личном фронте, я все чаще засиживался в своем офисе допоздна.

В конторе всегда было с кем поговорить. После шести вечера, когда рабочий день официально заканчивался, некоторые сотрудники еще оставались на своих местах. Наш бухгалтер Павел Матвеевич, как правило, продолжал еще около часа работать над бумагами. Коммерческий директор Виталий Валерьевич тоже не всегда спешил домой. Начальник техотдела, Антон, часто засиживался допоздна. Так что я почти никогда не оставался один в конторе. В конце концов, на посту круглосуточно находилась охрана.

Уже неделю Саша Гольдман вообще не шел домой. Все последние дни он спал на диванчике в своем кабинете. Моя секретарша уходила, обычно, ровно в шесть. Но в тот вечер она почему-то задержалась, активно обсуждая с Сашей уже почти готовый первый номер нашего корпоративного журнала. Я решил принять участие в дискуссии и зашел к ним.

Аня сидела на коленях у Саши. Они смеялись.

– Чем это вы тут занимаетесь? – придав напускную строгость своему голосу, спросил я.

– Мы разрабатываем дизайн обложки, разве не видно? – сказал Саша, и они засмеялись еще громче. Я вышел и закрыл дверь. Они явно друг друга нашли. Аня была не замужем, а Саша давно в разводе.

Я же поехал домой к своей гулящей жене, с которой меня не ждало ничего хорошего.

Апрель вплотную подошел к середине. Первые почки на деревьях уже набухли. Еще было слишком сыро, но солнце проглядывало сквозь тучи все чаще, а дни продолжали удлиняться. За исключением постоянно затененных укромных уголков, следов снежного покрова в городе почти не осталось. Неумолимо приближались майские праздники, и дачники готовились к открытию сезона, создавая очереди в супермаркетах.

Глава 5. Получка

Утром прошел дождь. Кое-где поблескивали лужи, в которых тонула прозрачная глубина неба. В середине дня я ехал из банка в машине с шофером и с бухгалтером и думал о том, как же сложно устроен этот странный мир. Ну почему все придумано так, чтобы работодателю гораздо выгоднее было бы платить людям зарплату в конвертах? Все понимают абсурдность происходящего, но ничего не меняют. Я тоже мог долго рассуждать о социальной справедливости и о налоговых поступлениях в бюджет, но не пытался изменить ничего и следовал обычной схеме.

В конторе я проследил, чтобы все по очереди расписались в отчетной ведомости за «белую» копеечную зарплату и затем выдал всем сотрудникам нормальные деньги в конвертах. Когда я дал конверт Саше Гольдману, он обрадовался получке совершенно искренне, как ребенок новой игрушке, и предложил сходить куда-нибудь после работы, чтобы отметить его первую зарплату в моей конторе. Поскольку дело шло к шести, а планов на вечер у меня не было, я согласился. Хотя мне и стало немножко смешно, поскольку «получка», без сомнения, являвшаяся праздником для Саши и остальных сотрудников моего предприятия, однозначно, была для меня, как для хозяина заведения, днем довольно больших трат, что, казалось бы, не могло прибавить мне радости само по себе. И все же, мне было приятно от того, что я имею возможность порадовать своего друга.

Неожиданно за нами увязалась и Аня, вернее, ее позвал Саша. Мы перешли Колокольную улицу и вошли под своды маленького уютного кафе, расположенного в полуподвале. Гольдман выставил нам щедрое угощение в виде кофе с пирожными.

– Вы давно дружите? – спросила Аня, имея в виду нас с Сашей.

– Мы в школе за соседними партами сидели с пятого класса, – сказал я. И рассказал ей, сколько раз мы с Сашкой выручали друг друга в школьных заморочках, в драках и на занятиях, как он подсказывал и давал списывать мне, а я – ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.